

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ЭТНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 314.15:94(44)
DOI 10.17223/19988613/37/15

Е.Б. Деминцева

СОЗДАВАЯ «ГЕТТО»: СОЦИАЛЬНЫЕ КВАРТАЛЫ ФРАНЦИИ И ИХ ОБИТАТЕЛИ (1960–2010 гг.)

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Последние тридцать лет темы социальных кварталов во Франции неразрывно связаны с проблемами мигрантов и выходцев из мигрантской среды. Мигранты появляются в них в 1960-х гг. – именно в это время Франция приглашает в страну на работу на крупных предприятиях выходцев из своих бывших колоний, стран Северной Африки. С прибытием в страну семей мигрантов социальные кварталы, строившиеся изначально для французских бедных семей, живущих в стеснённых условиях и не имевших возможность приобрести жилье, становятся местом проживания выходцев из Северной Африки. Со временем эти социальные кварталы становятся не столько местом жилья для бедных, сколько местом проживания мигрантов и их детей, зонами «исключения», и к этим территориям начинают применять понятие «гетто», подчеркивая тем самым их особость, маргинальность, периферийность, а также «исключенность» их обитателей из жизни остального города.

Ключевые слова: социальные кварталы; мигранты; социальная исключенность; «гетто»; «этнические районы».

Франция имеет одно из самых многочисленных мигрантских сообществ Европы. В течение полувека, проводя миграционную и интеграционную политики, государство так и не смогло решить проблемы, связанные с пребыванием в стране мигрантов и выходцев из мигрантской среды. Существуют многотысячные «мигрантские пригороды» с тяжелыми социальными проблемами: безработицей, расизмом, криминалом. В начале 1980-х гг. в стране впервые заговорили о «молодежи окраин», новых обитателей социальных кварталов. После волнений в лионских пригородах 1981 г. перед французским обществом и государством встал вопрос о решении социальных проблем, связанных с этими «зонами исключения».

Конец XX в. стал временем попыток решения проблем «мигрантских пригородов»: были реализованы программы, направленные на включение их обитателей в жизнь французского общества, помощи в восхождении по социальной лестнице его обитателей, создания условий для получения молодежью образования и помощи в реализации молодыми выходцами из мигрантской среды своих профессиональных проектов. Однако социальные вопросы усложняются особой социокультурной средой, сформированной в этих пригородах. Вопросы сохранения семейных традиций, религии, а также влияния сообщества, сформировавшегося за десятилетия в этих кварталах, являются для некоторых молодых людей барьером включения в жизнь остального общества.

В 2005 г. эта тема стала обсуждаться не только во Франции. После «бунтов окраин» весь мир заговорил о пылающих пригородах Парижа. Выяснилось, что тема «этнических районов», «проблемных пригоро-

дов» актуальна практически для всех стран Европы. Встал вопрос: насколько была эффективной политика, направленная на интеграцию мигрантов и их детей в общества европейских стран? В чем состоят ее промахи и о каких положительных результатах можно сегодня говорить?

«Проблема окраин», «мигрантских кварталов», несмотря на различные подходы в политике разных стран к интеграции мигрантов, остается одной из наиболее болезненных для европейских стран. Что делать с «проблемными кварталами»? Когда мы говорим о «мигрантских кварталах», мы говорим о социальных или культурных составляющих этих проблем? И если до сегодняшнего дня не решены многие вопросы, связанные с пребыванием мигрантов на территории Франции, можно ли говорить о провале политики государства по отношению к мигрантам, или же из года в год проблемы не только накапливаются, но и появляются новые, для которых нужны принципиально иные методы решения? На все эти вопросы можно ответить, рассмотрев политику Франции по отношению к мигрантам и выходцам из мигрантской среды с начала массовых потоков миграции из стран Северной Африки в 1960-е гг. до настоящего времени. В статье мы также уделим внимание политике Франции, направленной на обитателей «проблемных кварталов», и попробуем ответить на вопрос, возможно ли применение к ним термина «гетто».

Формируя «окраины»: политика Франции по отношению к мигрантам в 1960–1980-е гг. На протяжении «славного тридцатилетия» (1945–1975) мигранты во Франции воспринимались как временные переселенцы, приехавшие на заработки в стра-

ну, но планирующие возвращение на родину. В ноябре 1945 г. был создан *Национальный офис по миграции (Office National d'Immigration – ONI)*, который давал государству монополию на привлечение трудовых мигрантов. Были введены три типа видов на жительство – на один, три и десять лет. Приветствовалась и семейная миграция, которая должна была решить послевоенные демографические проблемы. Государственная политика была ориентирована на «включение» («insertion») мигрантов в профессиональную среду, при этом Франция не стремилась интегрировать иностранных рабочих в принимающее общество. Основные государственные меры были направлены на размещение мигрантов: был разработан ряд программ по строительству жилья для иностранцев, выделению им комнат в общежитиях и квартир. Это позволяло не только обеспечить приезжающих на заработки жильем, но и контролировать их пребывание.

В 1958 г. во Франции был создан *Фонд социального действия (Fond d'Action Sociale – FAS)*, основная задача которого сводилась к помощи в обретении жилья и работы алжирским мигрантам, самому многочисленному на тот момент мигрантскому сообществу Франции. Необходимость его появления назревала уже несколько лет: послевоенный наплыв мигрантов, оказавшихся на территории страны по приглашению властей, в конце 1950-х гг. был значителен, и представители именно алжирской миграции заговорили о необходимости создания общественного органа, действующего при поддержке государства для обеспечения условий проживания и работы иностранцев. В 1964 г. фонд расширил свою деятельность и начал оказывать помощь и поддержку всем мигрантам вне зависимости от страны происхождения. Основной его деятельностью было создание общежитий, в которых выходцы из разных стран старались селиться семьями или спланивались по земляческому принципу. По мнению французского исследователя Жака Бару [1], существует еще одна причина, по которой государство содействовало их созданию: бессемейные мужчины-мигранты вызывали беспокойство со стороны властей, и они старались селить их всех вместе, для того чтобы осуществлять за ними контроль.

Изначально поселения для мигрантов назывались «*лагеря временного пребывания*» («*camps d'hébergement*»). Первые из них были созданы в 1960-е гг. по инициативе алжирских рабочих и при участии французского государства. Они существовали под патронажем организации *SONACONTRA (SOCIÉTÉ NATIONALE DE LOGEMENT POUR LES TRAVAILLEURS ALGÉRIENS – Национальная жилищная корпорация алжирских трудящихся)*, которая не только строила общежития, но и контролировала проживание мигрантов-алжирцев внутри жилых комплексов и в стране в целом. Очень быстро эта организация взяла под свое покровительство и других иностранцев.

В 1950–1960-е гг. по инициативе французского правительства мигрантов стали расселять в социальных кварталах (*Cité*), комплексах социального жилья для проживания малообеспеченных. По мере увеличения миграционных потоков и прибытия семей общежитий, строившихся для рабочих-мигрантов, стало не хватать, а пребывающим семьям требовались уже квартиры. Поэтому кварталы социального жилья стали рассматриваться как места для временного проживания рабочих-иностранцев. Мигранты старались селиться рядом с земляками, создавая сообщества по принципу страны происхождения внутри квартала. Со временем здесь стала развиваться собственная инфраструктура – мигранты открывали магазины с товарами из стран Северной Африки, кафе, ориентированные на соотечественников, молельные залы. Постепенно внутри кварталов стала складываться среда, в которой мигрант чувствовал себя комфортно – практически как у себя дома – и у многих не было желания покидать «свои» районы и общаться с принимающим обществом.

Декларируемая государством после экономического кризиса 1974 г. попытка приостановления миграционных потоков изменила видение жителями страны фигуры мигранта. Не только власти, но и граждане Франции начинали понимать, что многие «арабы» во Франции – это уже не временное явление. Вопросы безработицы, сокращения рабочих мест и экономические проблемы заставили многих усомниться в необходимости трудовых мигрантов. Газеты начинают обсуждать «проблемы окраин» – тех «бетонных окраинных кварталов» (так называли социальные кварталы, построенные преимущественно из бетонных домов), в которых мигранты получили социальное жилье. Жителей страны волновали проблемы «интеграции» в связи с присутствием рядом с ними людей с другой культурой, религией, обычаями. «Другого», чей образ вызывал у них страх и опасение за сохранение «французской культуры». Как на государственном уровне, так и в обществе начинают говорить о «новых бедных», к которым причисляют мигрантов и выходцев из мигрантской среды [2. С. 11].

К началу 1980-х гг. в социальных кварталах сложились особые «зоны» по земляческому принципу. Государство не вмешивалось в их жизнь и не декларировало их «особость». Сами мигранты предпочитали формировать здесь собственную среду, свой образ жизни, ограничивать общение выходцами из своих стран и регионов. Многие были уверены, что вернутся на родину, как только им позволит финансовая ситуация. Однако все больше мужчин вызывали к себе семьи, отдавая себе отчет в том, что пребывание в стране не ограничится несколькими месяцами. Многие обращались за получением гражданства, что облегчало им возможность трудоустройства и доступа к социальным благам. Они становились гражданами

страны, а их дети, родившиеся во Франции, получали гражданство автоматически.

Для принимающего общества мигранты-магрибинцы являлись «чужаками», «чернорабочими», теми, кто готов за небольшие деньги выполнять самую тяжелую работу. Старые жители социальных кварталов начинают покидать их, не желая жить рядом с мигрантами, создающими собственную культурную и социальную среду [3]. В конце концов количество мигрантов и выходцев из мигрантской среды стало превосходить то население, которое изначально жило в социальных кварталах. В начале 1980-х гг. об этих районах стали говорить как о «мигрантских пригородах».

«Проблемные окраины» – «проблемные мигранты». Вплоть до конца 1980-х гг. миграционная и интеграционная политики государства существовали параллельно. Выбранный в мае 1974 г. Президент Французской Республики Валери Жискар д'Эстен определил основной тезис миграционной политики – приостановление новых потоков мигрантов, контроль за въездом, содействие всем желающим вернуться на родину и программа «включения» для остающихся. В законе, принятом в октябре 1974 г., подчеркивалось стремление к тому, «чтобы либо допустить на национальном уровне повсеместную интеграцию иностранных рабочих в соответствии с их пожеланиями, либо позволить им сохранить социально-культурные связи со страной своего происхождения, способствуя тем самым обретению всеми желающими возможности впоследствии вернуться на родину» [4. С. 42]. Иными словами, закон проводил линию разграничения между теми, кто предполагал остаться, натурализовавшись и полностью интегрировавшись в общество, и теми, кто собирался уехать на родину и сохранял с ней связи. До начала 1980-х гг. вопросы интеграции были тесно связаны с законами, ограничившими въезд или же выезд тех, кто не собирался интегрироваться во французское общество.

Отношение к присутствию мигрантов со стороны общества и государства изменилось в начале 1980-х гг. В законе Боннэ 1981 г. прописывалось право на создание иностранцами собственных ассоциаций. Именно ассоциации, созданные представителями второго поколения мигрантов, так называемыми «бёрами», способствовали тому, что проблемы молодых выходцев из мигрантской среды перешли из разряда частных случаев в общенациональные вопросы, решения по которым принимались на государственном уровне. В 1983 г. по всей стране прошли «марши бёров», в которых приняли участие тысячи человек. Они заявили о себе как о таких же гражданах страны, как и остальные французы, а также о расизме и дискриминации по отношению к ним. По мнению «новых французов», их воспринимали как «неполноценных» граждан. Они говорили о своей «исключенности» из общества, в том числе и территориальной. На страницах газет и в телевизионных программах эта проблема

стала активно обсуждаться. Впервые звучит понятие «гетто» в отношении социальных кварталов, которые сравниваются с районами проживания афроамериканцев США. Появление «зон исключения» вызвало страх во французском обществе, а государство стало предпринимать попытки решить «проблемы окраин».

«Проблемы окраин» заключались не только в том, что здесь образовывались закрытые сообщества, создававшие свою инфраструктуру и препятствующие интеграции. В представлении самого французского общества кварталы становились маркерами, указывающим на маргинальность их обитателей. Их не принимали на работу, так как работодатели заранее воспринимали их как «неблагополучных», «проблемных». Под влиянием СМИ сформировался стереотип молодежи, живущей в «зонах насилия», наркотиков, преступности. Даже те, кто хотел интегрироваться, вырваться из кварталов, не могли это сделать не только из-за давления семьи, но и нежелания самого общества принимать их. Эта территория накладывала отпечаток на своих жителей, и, например, проблемы безработицы, с которым сталкивались все молодые французы, в случае с обитателями этих мест только усугублялись.

Пришедшие к власти в 1981 г. левые пытались создать условия для более эффективного «включения» иностранцев в жизнь страны. Закон Боннэ определил ряд новых требований, распространяющихся на иностранцев, находящихся во Франции. С этого момента высылка мигранта может осуществляться только при совершении им преступления, а все те, кто находится в иррегулярной ситуации, должны покинуть Францию только после рассмотрения их дела в суде. Закон не позволял высылать из страны несовершеннолетних детей или же их родителей, а также близких родственников, члены семьи которых имели право проживания во Франции. Исключения делались в случае угрозы национальной безопасности. Таким образом, иностранца уже не могли высылать из страны по первому требованию властей, и это давало ему социальные и правовые гарантии при рассмотрении его дела в суде.

С начала 1980-х гг. французское государство рассматривает мигрантов как проблемную группу, с которой надо работать, регулировать их положение, включать в жизнь остального общества. Это связано не только с экономической ситуацией и безработицей в стране, но и с культурными различиями, которые выделяли магрибинцев, составлявших тогда большинство среди мигрантов. Они старались перенести во Францию тот жизненный уклад и образ жизни, который у них был на родине. Они селились рядом со своими соотечественниками, выходцами из одного региона и даже деревни. Этому способствовало то, что рабочие для промышленных гигантов нанимались обычно из одних мест в странах Магриба, им предоставлялось жилье недалеко от предприятий, в

социальных кварталах. Таким образом, выходцы из одного региона оказывались не только рабочими на одном заводе, но и соседями в одном квартале или даже доме. Приезжавшие к ним жены также оказывались вовлечены в круг общения своих же земляков, а дети вращались в этой среде и многие до поступления в школу не говорили по-французски [5].

Как показывают мои собственные исследования [6] и работы французских коллег [7, 8], семьи тех мигрантов, которые приезжали в страну в 1960–1970-е гг. преимущественно из стран Северной Африки, не хотели интегрироваться. Это были в основном выходцы из деревень отдаленных районов, не говорящие по-французски и имеющие несколько классов образования. Они были теми «indigènes musulmans», той категорией жителей Алжира, которую во время колониального господства Франции не коснулась политика ассимиляции, она практически не повлияла на уклад жизни семей, их религиозную принадлежность [9].

Миграция меняла не только страну, но и среду обитания, превращая мигрантов в городских жителей. Мигрант должен был адаптироваться не только к жизни в другой стране, но и к жизни в городе, обитателем которого становился.

Французские исследователи подчеркивают [10, 11], что многие семьи старались оградить своих детей от влияния французского общества, в котором, по мнению мигрантов, им придется жить лишь некоторое время. Дети, посещая в школу, постепенно включались в среду окраинного квартала, их друзьями были уже выходцы и из других стран. Стали формироваться сообщества молодых людей разного происхождения, которые чувствовали свою исключенность из французского общества не только из-за происхождения, но и места проживания. Исследователи говорят о формировании «поколения окраин» («*génération de cité*») [12], включая в него детей мигрантов, выросших в 1980–1990-х гг. в социальных пригородах. По их мнению, за четверть века сформировалось поколение, в социализации которого важную роль играли среда окраинного социального квартала (*cité*) и влияние процессов, происходящих в стране: движения «бёров», социальной политики государства в окраинных районах, направленной на местную молодежь, и выделение самим французским обществом этих кварталов как особых зон с «плохой репутацией».

«Молодежь окраин»: социальная политика в «проблемных кварталах». Начиная с 1980-х гг. государство разрабатывает программы, направленные на включение мигрантов и их детей, многие из которых уже были гражданами Франции, во французское общество. Ставилась задача дать возможность молодым людям из «проблемных кварталов» воспользоваться социальным «лифтом» для выхода из своих замкнутых сообществ. Одними из инструментов должны были стать сам город (или пригород) и его государственные учреждения, в том числе

школа. Была разработана программа *Приоритетных зон образования (zones d'éducation prioritaires – ZEP)*. С 2006–2007 гг. они называются иначе – ZEP (APV, RAR, CLAIR, ECLAIR), но неофициально продолжают носить это название. Были выбраны кварталы, чьим учебным заведениям выделялось дополнительное финансирование. Они имели право в автономном режиме решать школьные проблемы, возникшие под влиянием социальной среды.

Эта реформа часто не достигала поставленной цели. Задача получения качественного среднего образования наталкивалась как на низкий уровень подготовки в школах, так и на отношение мигрантских семей. Государственные школы окраинных кварталов в идеале (по замыслу французской системы образования) ничем не должны были отличаться от остальных школ. Однако идея включения ребенка из мигрантской среды во французское общество через школу была обречена на неудачу, так как в школе он оказывался все в том же сообществе детей мигрантов, своих соседей, выходцев из таких же семей, как и его собственная. Такая школа не могла стать местом интеграции ребенка, так как она не включала его в какое-то иное сообщество.

Причиной неудачи интеграции через школу французские исследователи [13–15] считают также нежелание семей стимулировать детей к успешной учебе. Многие родители не уделяли большого внимания учебе детей и не рассматривали образование как социальный лифт. Это происходило прежде всего из-за их низкого образования (многие их отцы и матери закончили только начальную школу или же были безграмотными), а также непонимания возможностей, которые предоставляет французская система образования (бесплатное обучение на всех уровнях) и роли образования в дальнейшей жизни детей.

Таким образом, школа в социальных кварталах была местом, куда необходимо приходиться, но где не было стимула учиться. Как показывает Дидье Лапейронни [3], здесь «неправильно» быть хорошим учеником. В местных компаниях существовали (и сейчас существуют) негласные правила, по которым учеба не была частью «имиджа правильного парня окраин». Школа не могла воздействовать на такого подростка ни через родителей, ни через социальную среду. Поэтому молодые люди часто бросали школу, Учителя, попавшие в эти школы по национальному конкурсу найма преподавателей, также стремились как можно быстрее их покинуть. В лицеи и колледжи преподаватели принимались на работу только через национальный конкурс. Молодые специалисты могли выбрать лишь регион и часто оказывались в таких кварталах.

Для многих молодых людей «их Франция» – это в первую очередь их окраинный квартал, где они выросли. Они ставят принадлежность к нему выше связей с родиной предков, которая превратилась для них

в миф, а также выше принадлежности французскому государству. В отличие от родителей, «родина предков», где они никогда не были или иногда ездили на каникулах, является совершенно чужой. Они мало знают и о Франции за пределами квартала. Их семьи в основном жили внутри «своего» пространства, по своим правилам, и круг общения ограничивался соседями и родственниками. «Молодежь окраин» ощущала (и ощущает) привязанность к своей собственной «территории» и ее истории. Для нее намного важнее их «собственная история», «история семьи», много лет живущей в данном квартале. Она играет гораздо более важную роль, чем легенды о предках и исторической родине или же ощущение себя частью большого европейского государства.

Вместе с тем дети учатся в светских школах, где акцент делается на республиканские традиции. Франция пытается воспитать из них «своих граждан», а семья стремится выделить их, напоминая, что они – прежде всего члены «своего» сообщества. При этом большое влияние оказывает на них «улица», та среда, в которой они живут, в которой перемешаны «республиканское воспитание», семейные традиции, культура квартала. Некоторые молодые люди пытаются вырваться из квартала, который, по их мнению, является препятствием в их жизни: стараются найти работу, снять жилье вне «проблемного квартала», ограничить общение со своими приятелями из «той среды». Другие, наоборот, чувствуют себя привязанными к этому месту, понимают то, как могут функционировать в этой среде и практически оторваны от остального общества и не стремятся интегрироваться в него.

К началу 2000-х гг. во французском обществе образовалась особая социокультурная группа – «поколение окраин». Это жители «проблемных пригородов», в большинстве своем выходцы из мигрантской среды, часто из многодетных семей. Их отцы были рабочими, когда-то приехавшими в страну на заработки и оставшиеся здесь. Многие семьи жили на грани нищеты или в нищете, на социальные пособия, так как многие отцы теряли работу, а матери чаще всего были домохозяйками или же обслуживающим персоналом (уборщицами, нянечками и т.п.). У многих молодых людей были неполные семьи, домом для большинства из них была улица своего квартала, на которой они находили друзей, понимание, поддержку.

Картинки пылающих пригородов 2005 г. стали своего рода символом этого поколения. Как писала в эти дни пресса, ни местные власти этих кварталов, ни другие источники не видели какой-либо организации, общественной или политической, которая бы делала какие-то заявления или выдвигала условия от лица этой молодежи. На улицы в эти дни (а точнее, ночи) выходили подростки окраин и заявляли о себе поджогами машин. Они были в «своих» районах, они понимали, куда им бежать в случае облавы полиции, и своими действиями хотели заявить о себе, своих про-

блемах, неблагополучии. Они достигли главной цели – о «проблемных кварталах» заговорили как о зонах насилия, агрессии, безработицы, неуправляемости и бесконтрольности. В последующие несколько лет государство стало делать попытки взять их под контроль.

Гетто или окраины (banlieues)? Несколько десятилетий вопросом «Что такое “проблемные кварталы”?» задаются не только политики и журналисты. Массовые беспорядки в парижских пригородах начала 1990-х гг. поставили перед французскими исследователями ряд сложных вопросов. Можно ли, например, сравнивать социальные кварталы во Франции и американские гетто? Одним из первых понятие «гетто» по отношению к «проблемным кварталам» употребил французский социолог Дидье Лапейронни [16]. По его мнению, с середины 1990-х гг. здесь стали происходить социальные трансформации, изменившие восприятие этих районов не только французским обществом, но и их обитателями. Перемены коснулись роли ряда институтов, таких, например, как школа; изменилась роль полиции в этих кварталах; в них стали процветать такие явления, как расизм и дискриминация. Год от года стала увеличиваться роль неформального сектора: появилась теневая экономика, прежде всего основанная на криминальном бизнесе, все чаще кварталы стали ассоциироваться с насилием и преступностью.

Лапейронни считает, что эти социальные изменения позволяют назвать эти территории термином «гетто» [3]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть свою гипотезу, в середине 2000-х гг. он провел полевое исследование. Взяв за методологическую основу антропологические исследования, проводившиеся в США, направленные на выявление механизмов функционирования местных гетто, Лапейронни попытался доказать, что в случае с французскими социальными кварталами речь идет об идентичных социальных трансформациях. Причем важно то, что эти трансформации не относятся к географическим изменениям или территориальным и архитектурным особенностям этих мест; они определяют именно социальную изоляцию жителей кварталов, которые в свою очередь выступают для своих обитателей в качестве маркера социальной неблагополучности и исключенности.

Ученый провел серию глубинных интервью и фокус-групп, собрал множество историй жизни, а также сделал ряд этнографических наблюдений. Это позволило ему сделать вывод о том, что именно социальная исключенность, изолированность жителей от остального мира позволяет говорить о социальных кварталах как об особой «зоне», «зоне исключения». Поэтому возможно применять понятие «гетто». У обитателей этих кварталов существует особое социальное поведение, сформированное под влиянием внешних и внутренних факторов, особое отношение к ним того

общества, которое живет за пределами квартала и проецирует на жителей «неблагополучных окраин» дискриминационные практики. Вероятно, можно говорить о проявлениях расизма как внутри квартала, так и направленного со стороны остального французского общества.

Молодой человек, обитатель квартала, испытывает на себе негативное отношение остального общества во многом потому, что он живет в этом месте. Сложившиеся стереотипы по отношению к обитателям социальных кварталов, к «арабам» и «черным», «детям окраин», являются препятствием для полноценного функционирования внутри французского общества. Жителям кварталов сложно получить работу, имея в резюме строчку с адресом их места жительства; им сложно снять жилье за его пределами, даже если у них есть материальная возможность, так как владельцы квартир не хотят сдавать их «парням с окраин». Лапейронни говорит о выходцах из социальных кварталов как о «внебрачных детях» современного французского общества, которых хотят скрыть, сделать вид, что их нет или же изолировать от остальных.

Другие французские исследователи также стали употреблять понятие «гетто». Антрополог Давид Лепутр [17], изучая молодежную субкультуру окраинных кварталов, приходит к выводу о схожести социальных процессов в них и в американских гетто. Проведя два года в одном из таких кварталов пригорода Курнев недалеко от Парижа, работая учителем в местном лицее, на протяжении нескольких лет он подробно изучал жизнь молодежи, и с оговорками, но все же считает, что именно этот квартал можно назвать «гетто». Анализируя культурные явления, складывающиеся в них, а также верлан, язык, созданный молодежью окраин на базе слов французского языка (основной его принцип – переставление слогов и букв, например: *Arabe* → *Veug* → *Reubeux*, *Noirs* → *Reunoir*, *Francais* → *Cerfans*), исследователь говорит о сформировавшейся собственной культуре и определенных ритуалах, которые формируют специфическую среду, в которой живет молодежь. Если Лапейронни доказывает существование гетто через социальные процессы, происходящие в них, то Лепутр обращает внимание на культурные изменения и создание определенной социокультурной среды в отдельно взятом районе, что позволяет ему на конкретном примере обозначить механизмы функционирования этой среды и выделить характеристики, по его мнению, совпадающие с теми, которые мы можем обнаружить в американских кварталах.

Однако существует и другая точка зрения, опровергающая гипотезу о схожести процессов и социальных трансформаций в «окраинных кварталах» Франции и в американских гетто. Лоик Вакан приходит к выводу, что невозможно наделять социальные неблагополучные кварталы теми же смыслами, что и американские гетто. Он считает, что речь идет о разных

по своей интенсивности социальных процессах: в США больше, чем во Франции, подчеркнута социальная сегрегация, изоляция населения этих кварталов, а тема насилия звучит более громко.

По мнению Вакана, необходимо обратить внимание на историю формирования районов: во Франции можно говорить о постепенном заселении социальных кварталов выходцами из мигрантской среды, а в американских гетто приходится вспоминать о политике расовой сегрегации. Американские гетто изначально создавались как сегрегированные кварталы. В третьих, автор подчеркивает, что «пригороды рабочего класса и черных гетто были объектом диаметрально противоположных политических конструкций и бюрократического управления в 1980-х и 1990-х гг. Это означает, что пропасть, которая отделяет эти два социопространственных объекта, – не только количественного, но также, и что еще более важно, социально-исторического и институционального порядков» [18. С. 6].

Для доказательства этих тезисов Л. Вакан в своей книге [19] предлагает теорию, которую называет «расширенной городской маргинальностью», и выстраивает ее из двух перспектив. С одной стороны, структурного анализа преобразований, которые происходили в экономике и городах после волны расовых беспорядков 1960-х гг.; с другой стороны, сравнительного анализа сходства и различия американского черного гетто и французских пригородов рабочего класса. Последние, по его мнению, являются не столько «гетто», сколько «анти-гетто». Французские социальные кварталы, несмотря на насилие, преступность и социальные проблемы, все же остаются территориями, контролируруемыми властями, в них реализуются, пусть не всегда успешно, различные поддерживаемые государством инициативы, направленные на интеграцию их жителей во французское общество.

Л. Вакан не отрицает, что можно говорить о некотором сходстве французских социальных кварталов и американских гетто, что и позволяет во многом эксплуатировать это сравнение как СМИ, так и его обитателями. Первое сходство – это «видимость» этих кварталов, так как в них сконцентрировано наибольшее количество этнических меньшинств. В США это «черные» (blacks), во Франции это выходцы из мигрантской среды, в основном африканского происхождения, и сами мигранты. Вторым сходством можно назвать выделение этих мест жителями обеих стран как зон нищеты, преступности и насилия. Важно не только, что они такими являются, но и то, что такими их видит общество. Соответственно, выходец из такого района будет a priori наделен стигматизирующими признаками.

Какие бы ни были результаты научных дебатов [20], ученые сходятся в том, что во Франции в последние десятилетия произошли изменения в социальных кварталах, которые сегодня выделяемы и их

жителями, и французским обществом как «особые» территории. Возможны разные подходы к изучению процессов, происходящих в них: определения социальных кварталов как «гетто», «зон исключения» и концентрации меньшинств. Или же, сравнивая процессы, происходящие в этих кварталах в США и во Франции, найти различия в социальных трансформациях, предпосылках тех или иных процессов, в том числе и исторических, и обозначить их как другие формы, схожие лишь внешне, но внутри имеющие принципиальные различия. Однако и в том и в другом случае ученые говорят о сложных социальных процессах, затрагивающих как городскую территорию, так и те сообщества, которые обитают в этих кварталах. Авторы говорят прежде всего о социальных процессах, усложненных расовым дискурсом и проецируемой со стороны общества дискриминацией на то население страны, которое оказалось замкнуто внутри этих территорий.

«Проблемные окраины» и их обитатели сегодня. Можно говорить о нескольких важных событиях, повлиявших на развитие социальных кварталов во Франции и присваивании им статуса «проблемных кварталов» как на государственном уровне, так и в самом французском обществе:

1. Расселение мигрантов в социальных кварталах Франции в 1960–1970-е гг. и постепенное вытеснение из них остального, не-мигрантского населения.

2. Признание в 1980-х гг. социальных кварталов во Франции как «мигрантских».

Заявив о себе как о гражданах страны, при этом выделив себя среди них как отдельную категорию, молодые выходцы из мигрантской среды обозначили те проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в обществе, в том числе и вопросы социальной исключенности.

1990-е гг. – это период новых волнений, провоцируемых «обитателями окраин». Несмотря на то что во Франции больше чем десятилетие существовали программы, направленные на включение в общество выходцев из мигрантской среды, «проблемные кварталы» оставались той средой, которая замыкала их молодых обитателей на себе и препятствовала включению в принимающее общество. Теракты в парижском метро летом 1995 г. сделали эти кварталы не только

«зонами исключения», но и «зонами насилия» и концентрации исламистских группировок.

В 2005 г. уже весь мир заговорил о парижских пригородах и проблемах миграции. Сотни машин были сожжены жителями окраин, так называемым «вторым поколением», выходцами из мигрантской среды. В течение нескольких дней они выходили на улицы своих кварталов, привлекая внимание общественности к тем проблемам, которые лежат на поверхности: социальной исключенности, безработицы, насилия и преступности. Эти события освещались практически всеми СМИ стран мира и на первые полосы газет разместили материалы о трудностях интеграции не только мигрантов, но и их детей, родившихся уже во Франции. Франция вновь, как в 1980-х гг., во времена «маршей бёров», заговорила о поколении молодежи, вышедшем из мигрантской среды, чьи проблемы так и не смогло решить французское государство.

Несмотря на то что последнее десятилетие Франция реализует множество программ, направленных на интеграцию молодежи кварталов, повышение качества образования и поддержку культурных инициатив, в стране сохраняются эти «проблемные районы», которые по-прежнему живут своей жизнью. Не решены проблемы безработицы, безопасности, насилия и преступности. Именно в таких местах активно работают исламистские организации, ловко вовлекая в свои ряды молодежь, уставшую от своей изоляции, пренебрежения со стороны остального общества, социальных проблем. События зимы 2015 г. в журнале «Шарли эбдо» и захват заложников в магазине парижского предместья свели на нет все попытки французских властей по интеграции молодых людей из «проблемных кварталов» во французское общество [21].

Франция и сегодня задается вопросом, почему в стране выросли участники расстрела журналистов «Шарли эбдо», при том что вот уже несколько лет социальные пригороды, населенные преимущественно мигрантами и их детьми, находятся под внимательным контролем государства и разрабатываются социальные государственные программы, направленные именно на детей и подростков, так называемое «второе поколение». На сегодняшний день проблемы не решены, а «проблемные кварталы» остаются одной из наиболее острых социальных проблем Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barou J. Foyers d'hier, résidences sociales de demain // *Écarts d'identité*. Hiver 2000–2001. № 94. P. 17–20.
2. Avenel C. Domaines et approches. Sociologie des quartiers sensibles. Paris : Armand Colin, 2010 (3-eme édition). 132 p.
3. Lapeyronnie D. Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui. Paris. Editions Robert Laffont, 2008. 624 p.
4. Khellil M. L'intégration des maghrébins en France. Paris : PUF, 1991. 182 p.
5. Jazouli A. Les années banlieues. Paris. Seuil. 1992. 200 p.
6. Демичева Е. Быть «арабом» во Франции. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 192 с.
7. Sayad A. La Double Absence. Paris : Seuil, 1999. 437 p.
8. Begag A. Ecarts d'identité. Paris : Seuil, 1990. 121 p.
9. Weil P. Qu'est-ce qu'un Français ? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris : Grasset, 2002. 401 p.
10. Soullamas N.G. Des « beurettes » aux descendantes d'immigrants nord-africaine. Paris : Grasset, 1999. 362 p.
11. Lacoste-Dujardin C. Yasmina et les autres de Nanterre et d'ailleurs. Filles de parents maghrébins en France. Paris. La Découverte, 1992. 282 p.
12. Beaud S., Maslet O. Des « marcheurs » de 1983 aux « émeutiers » de 2005 // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2006. Vol. 4. P. 809–843.
13. Aissou A. Les beurs, l'école et la France. Paris. CIEMI / L'Harmattan. 1987. 215 p.

14. Dubet F. Le racisme et l'école en France // *Racisme et modernité* / ed. Wiewiorka M. Paris. La Découverte. 1993. P. 298–306.
15. Dubet F. L'exclusion scolaire : quelles solutions ? // *L'exclusion, l'état des savoirs* / ed. S. Paugam. Paris. La Découverte. 1996. P. 497–506.
16. Lapeyronnie D., Dubet F. Les quartiers d'exil. Paris : Seuil, 1992. 250 p.
17. Lepoutre D. Coeur de banlieues. Codes, rites et langages. Paris : Odile Jacob, 1997 (2001). 460 p.
18. Wacquant L. French working-class banlieues and black American ghetto: from conflation to comparison // *Qui Parle*. 2007. Vol. 16, No. 2. P. 5–38.
19. Wacquant L. Ghetto, banlieues, État (traduit de l'anglais par Sébastien Chauvin). Paris : La Découverte, 2006. 331 p.
20. Kokoreff M. Ghettos et marginalité urbaine : Lectures croisées de Didier Lapeyronnie et Loïc Wacquant // *Revue française de sociologie*. 2009. № 50-3. P. 553–572.
21. Деминцева Е. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли эбдо» // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 5. С. 135–148.

Demintseva Ekaterina B. Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russian Federation). E-mail: katiad@yandex.ru

CREATING “GHETTOES”: FRENCH BANLIEUES AND THEIR INHABITANTS (1960–2010).

Keywords: banlieues, migrants; social exclusion; “ghetto”; “ethnic quarters”.

Throughout the last thirty years banlieues in France have been invariably linked with the issues of migration and migrant communities. Migrants appeared there in the 1960s, when France began to import workers for its large industrial plants from her former North African colonies. There are a number of key events that shaped the development of these quarters in France and marking of them as the «zones of exclusion» by the French society. First, it is their settlement in the 1960s – 1970s by migrants and the gradual departure of non-migrants inhabitants. Second, it is the recognition of these social housing quarters by the society as the «migrant» areas. During this period, young members of the migrant communities engaged in protest manifestations to assert their equal citizen rights, drawing the attention of the society to the problem of social exclusion of banlieues inhabitants. The third stage was the beginning of the 1990s – the period of large-scale disturbances provoked by the inhabitants of banlieues. Even though France by that time had been for over a decade implementing social integration programs aimed at the inhabitants of these quarters, these «problem areas» still remained a kind of environment that locked in its young inhabitants and impeded their integration into the larger society. These territories begin to be called «ghettoes» thereby stressing their difference, marginality, their location at the social periphery, and the exclusion of their inhabitants from the life of the rest of the city. The next important step were the disturbances of 2005, when the Paris banlieues and the problems of migrants became a topic for discussion on a global scale, as their young inhabitants took to the streets, thereby drawing attention to the obvious problems of these quarters: social exclusion, unemployment, violence, and crime. Even though in the last decade France has been implementing numerous programs aimed at social integration of youth from these quarters, including improvements in education and support for cultural initiatives, banlieues are still the «exclusion zones.» The article explores the policies of the French state towards members of migrant communities from the 1960s till present. We also consider the policies regarding the inhabitants of the banlieues. In conclusion, we discuss whether the term «ghetto» could be applied to these areas.

REFERENCES

1. Barou, J. (2000–2001) Foyers d'hier, résidences sociales de demain [Homes yesterday, social homes of tomorrow]. *Écarts d'identité*. 94. pp. 17-20.
2. Avenel, C. (2010) *Domaines et approches. Sociologie des quartiers sensible* [Areas and approaches. Sociology of neighborhoods]. 3rd ed. Paris: Armand Colin.
3. Lapeyronnie, D. (2008) *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui* [Urban Ghetto. Segregation, violence, poverty in France today]. Paris: Robert Laffont.
4. Khellil, M. (1991) *L'intégration des maghrébins en France* [The integration of the Maghreb in France]. Paris: PUF.
5. Jazouli, A. *Les années banlieues* [The years of suburbs]. Paris: Seuil.
6. Demintseva, E. (2008) *Byt' "arabom" vo Frantsii* [Being "Arab" in France]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Sayad, A. (1999) *La Double Absence* [Double Absence]. Paris: Seuil.
8. Begag, A. (1990) *Ecarts d'identité* [Identity differences]. Paris: Seuil.
9. Weil, P. (2002) *Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution* [What is French? History of French nationality since the Revolution]. Paris: Grasset.
10. Souilamas, N.G. (1999) *Des "beurettes" aux descendantes d'immigrants nord-africaine* [North African girls, the descendants of North African immigrants in the second generation]. Paris: Grasset.
11. Lacoste-Dujardin, C. (1992) *Yasmina et les autres de Nanterre et d'ailleurs. Filles de parents maghrébins en France* [Yasmina and other Nanterre and elsewhere. Daughters of North African parents in France]. Paris: La Découverte.
12. Beaud, S. & Masclet, O. (2006) Des “marcheurs” de 1983 aux “émeutiers” de 2005 [“Walkers” of 1983 to the “Rioters” in 2005]. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 4. pp. 809-843.
13. Aissou, A. (1987) *Les beurs, l'école et la France* [North African immigrants, school and France]. Paris: CIEMI / L'Harmattan.
14. Dubet, F. (1993) Le racisme et l'école en France [Racism and school in France]. In: Wiewiorka, M. (ed.) *Racisme et modernité* [Racism and Modernity]. Paris: La Découverte. pp. 298-306.
15. Dubet, F. (1996) L'exclusion scolaire : quelles solutions? [School exclusion: what works?]. In: Paugam, S. (ed.) *L'exclusion, l'état des savoirs* [The exclusion, the state of knowledge]. Paris: La Découverte. pp. 497-506.
16. Lapeyronnie, D. & Dubet, F. (1992) *Les quartiers d'exil* [The neighborhoods of exile]. Paris: Seuil.
17. Lepoutre, D. (1997) *Coeur de banlieues. Codes, rites et langages* [The heart of suburbs. Codes, rites and languages]. Paris: Odile Jacob.
18. Wacquant, L. (2007) French working-class banlieues and black American ghetto: from conflation to comparison. *Qui Parle*. 16 (2). pp. 5-38.
19. Wacquant, L. (2006) *Ghetto, banlieues, État* [Ghetto, suburbs, State]. Translated from English by S. Chauvin). Paris: La Découverte.
20. Kokoreff, M. (2009) Ghettos et marginalité urbaine: Lectures croisées de Didier Lapeyronnie et Loïc Wacquant [Ghettos and urban marginality: lectures by Loïc Wacquant and Didier Lapeyronnie]. *Revue française de sociologie*. 50-3. pp. 553-572.
21. Demintseva, E. (2015) “Problemnye okrainy” i ikh obitateli: parizhskie predmest'ya mezhdu “buntom okrain” i “Sharli ebdo” [“Problem outskirts” and their inhabitants: the Parisian suburb between “rebellion of suburbs” and “Charly Ebdo”]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 5. pp. 135-148.